

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 343.343.5

Сергей Михайлович МАЛЬКОВ,

начальник кафедры уголовного права и криминологии

Сибирского юридического института МВД России

(г. Красноярск), кандидат юридических наук, доцент

sergeymalkov@mail.ru

ТЕНДЕНЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

TRENDS OF THE CRIMINAL AND LEGAL POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION

В статье выделяются и анализируются основные тенденции уголовно-правовой политики в Российской Федерации на современном этапе. Рассматривается влияние приоритетов уголовно-правовой охраны, норм международного права, современной преступности и преступлений транснационального характера на формирование приоритетных направлений уголовного законодательства и правоприменительной практики. Показана роль принципа гуманизма в формировании либерального подхода в процессе назначения наказания и освобождения от уголовной ответственности. Высказаны критические суждения в отношении ряда законодательных решений.

The author of the article highlights and analyzes the main trends of the criminal and legal policy in the Russian Federation today. The article considers the impact of the priorities of the criminal and legal protection, norms of international law, modern crime and crimes of transnational nature on the priority directions of criminal legislation and law enforcement practice. The role of the principle of humanism in the formation of a liberal approach in the process of sentencing and exemption from criminal liability is shown. The critical judgments concerning a number of legislative decisions are exercised.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика, тенденции, уголовное законодательство, уголовно-правовая охрана, преступление, наказание.

Keywords: criminal and legal policy, trends; criminal legislation, criminal and legal protection, a crime, punishment.

Уголовно-правовая политика, проводимая в Российской Федерации на современном этапе, характеризуется рядом тенденций, наиболее полно отражающих отношение законодателя к проблемам противодействия преступности и реализации карательной функции государства.

Среди наиболее распространенных тенденций уголовно-правовой политики следует отметить унификацию уголовного законодательства и совершенствование правоприменительной практики. Переход России к новым экономическим отношениям потребовал, чтобы законодательство, в том числе и уго-

ловное, способствовало этому процессу. [3, с. 274-275] В связи с этим в Уголовный кодекс РФ были включены ряд норм, устанавливающих ответственность за преступления, посягающие на экономические отношения: незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ), незаконная банковская деятельность (ст. 172 УК РФ), ограничение конкуренции (ст. 178 УК РФ), манипулирование рынком (ст. 185.1 УК РФ) и др.

Другая тенденция обусловлена нормами международного права и необходимостью приведения действующего уголовного законодательства в единую систему с общепризнанными международными принципами.

В соответствии с п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» под общепризнанными принципами понимаются основополагающие и базовые императивные международно-правовые нормы, которые разрабатываются и устанавливаются в рамках международного права. В свою очередь, общепризнанной нормой является обязательное правило поведения, признаваемое международным сообществом. Содержание этих принципов и норм раскрывается в документах Организации Объединенных Наций и ее специализированных учреждений.

Роль и значение общепризнанных принципов и норм международного права очень велики для уголовного права. Во-первых, они являются нормативно-правовой базой для уголовного права. Во-вторых, определяют в качестве объектов уголовно-правовой охраны общепризнанные права и свободы человека и гражданина. В-третьих, существенно отражаются на системе уголовного права, определяют назначение ряда глав Особенной части УК РФ, в частности главы 34 УК РФ. В-четвертых, определяют содержание ряда бланкетных и оценочных признаков уголовно-правовых норм, а следовательно, участвуют в процессе дифференциации уголовной ответственности.

Таким образом, взаимосвязь норм международного права, содержащихся в междуна-

родных договорах Российской Федерации, с уголовным законодательством состоит в том, что они определяют сферу и пределы действия уголовного закона. [3, с. 266-267]

Следующая тенденция указывает на приведение уголовного законодательства в соответствие с негативными тенденциями в преступности в Российской Федерации. Так, активизация деятельности организованной преступности и негативные последствия отразились на содержании ст. 35 и 210 УК РФ, предусматривающих основания и пределы уголовной ответственности лиц, создавших или руководящих преступным сообществом (преступной организацией), а также участвующих в них. Закон предусмотрел дифференциацию ответственности участников преступного сообщества в зависимости от выполняемых ими ролей. [6, с. 37]. Повышенная общественная опасность фактов терроризма обусловила включение в УК РФ ряда норм, предусматривающих ответственность за деяния террористического характера (ст. 205, 205.1-205.6, 206, 207, 277 УК РФ).

Однако стоит отметить и не совсем обоснованные законодательные решения, которые существенно ослабили противодействие некоторым преступлениям уголовно-правовыми средствами, сделав их неэффективными.

Так, необоснованно была смягчена уголовная ответственность за незаконный оборот наркотических средств и криминальный профессионализм. Исключение самостоятельного состава преступления в виде незаконного приобретения или хранения наркотических средств (психотропных веществ, их аналогов) в целях сбыта привело к тому, что квалификация этих деяний возможна только как приготовление к преступлению, что ведет к смягчению наказания при назначении не более половины максимального срока наказания (ст. 66 УК РФ). Кроме того, криминализация пособничества во взяточничестве привела к тому, что санкция, предусмотренная ч. 1 ст. 291.1 УК РФ, менее строгая, чем санкция, предусмотренная ч. 2 ст. 290 УК РФ за получение взятки в значительном размере, в соответствии с которой могло быть назначено наказание пособнику в этом преступлении, а санкция, предусмотренная ч. 1

ст. 291.1 УК РФ, строже санкции, предусмотренной ч. 2 ст. 291 УК РФ за дачу взятки в значительном размере. Таким образом, посредничество во взяточничестве, при котором виновный действует в интересах дающего или берущего взятку, оценивает как более опасное преступление, чем дача взятки. [2, с. 26]

Четвертая тенденция уголовно-правовой политики заключается в смягчении ответственности за преступления, порицаемые моральными нормами.

Например, вначале уголовно наказуемым по ст. 121 УК РСФСР признавался любой акт мужеложства, затем – только квалифицированный, то есть мужеложство, совершенное с применением физического насилия, угроз, или в отношении несовершеннолетнего, или с использованием зависимого положения либо беспомощного состояния потерпевшего. В соответствии со ст. 132 УК РФ уголовно наказуемым является мужеложство, также совершенное с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшему или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшего. Вряд ли такую либерализацию общественной морали и уголовного закона по отношению к гомосексуализму следует считать положительной. В досоветский и советский периоды крайне отрицательное отношение российского общества к этому явлению основывалось на стремлении к такому укладу отношений между полами, которое способствовало нормальному биологическому и социальному воспроизводству человека. [4, с. 67]

Пятая тенденция связана с изменением перечня и содержания уголовных наказаний. [1, с. 14-15]

В УК РФ не включены такие виды наказаний, как увольнение от должности, возложение обязанности загладить причиненный вред, общественное порицание, ссылка, высылка, присутствовавшие в УК РСФСР 1960 г. Исключение этих видов наказаний следует признать разумным, так как увольнение от должности больше напоминает дисциплинарное взыскание, возложение обязанности загладить причиненный вред – меру гражданско-правовой ответственности, об-

щественное порицание – меру общесоциальной ответственности, ссылка, высылка – меры административного принуждения. В дальнейшем из УК РФ была исключена конфискация имущества, которая была эффективным средством воздействия на лиц, совершающих экономические и иные преступления, составляющие профессиональную и организованную преступность. Конфискация имущества была восстановлена Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ в гл. 15 УК РФ, однако как иная мера уголовно-правового характера, напоминающая специальную конфискацию, предусмотренную в п. 4.1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ.

В действующее законодательство включены новые виды уголовных наказаний: обязательные работы, принудительные работы, ограничение по военной службе, ограничение свободы, арест. Как уже отмечалось, обязательные работы, ограничение свободы, принудительные работы и арест с самого начала приобрели характер не назначаемых и не исполняемых наказаний. Изменилось содержание ограничения свободы по сравнению с тем, которое было заложено в первоначальной редакции УК РФ: сначала это наказание было сходно с лишением свободы, которое отбывается в колонии-поселении. В результате внесения ряда изменений в уголовный закон содержание наказания в виде ограничения свободы оказалось в значительной мере идентичным такой форме уголовной ответственности, как условное осуждение, т.к. перечень предусмотренных в ч. 1 ст. 53 УК РФ ограничений для этого наказания во многом совпал с перечнем обязанностей, предусмотренных в ч. 5 ст. 73 УК РФ. Это нивелирует социально-юридическое отличие между наказанием и другими формами уголовной ответственности, которое постепенно сложилось в уголовно-правовом регулировании. В частности, условное осуждение (ст. 73 УК РФ) в отличие от наказания применяется не за совершенное преступление, а в связи с его совершением, применяемое к виновному принуждение в большей мере является не лишением его каких-либо благ, а побуждением к позитивной социальной активности, прежде всего лечиться, трудиться, учиться

(ч. 5 ст. 74 УК РФ). Такая связь условного осуждения с преступлением предполагает, что объем и продолжительность принуждения при реализации этой формы уголовной ответственности в большей степени зависят не от тяжести преступления, как при наказании, а от личности виновного и ее общественной опасности. [7, с. 34-37.]

Изменился порядок построения системы наказаний в сравнении с УК РСФСР 1960 г., в котором законодатель перечислял наказания по принципу от наиболее строгого к наиболее мягкому, при этом смертную казнь, как исключительную меру наказания, не включал в общий перечень.

В ст. 44 УК РФ расположение наказаний идет от наиболее мягкого вида наказания (штраф) до наиболее строгого (смертная казнь). Данная схема является условной, поскольку строгость карательного элемента наказания конкретного наказания в значительной степени определяется не столько его местом в системе наказаний, сколько размером или сроком. Например, очевидно, что шесть месяцев ареста будут более тяжким наказанием, чем два месяца лишения свободы, хотя в ст. 44 УК РФ лишение свободы на определенный срок следует за арестом. Штраф в своих верхних пределах (пятьсот миллионов рублей в соответствии с ч. 2 ст. 46 УК РФ) по строгости превзошел следующие виды наказаний и вполне может соперничать с лишением свободы, а в аспекте субъективного восприятия наказания отдельными лицами даже может превышать суровость последнего. [5, с. 23].

Действующая система наказания не лишена ряда проблем и недостатков. В качестве проблемы в системе наказаний следует указать на необоснованное закрепление в ст. 44 УК РФ такого вида наказания, как смертная казнь, поскольку она не преследует такую цель наказания, закрепленную в ст. 43 ч. 2 УК РФ, как исправление осужденного. Отдельной проблемой следует считать «выпадение» из системы наказаний, назначаемых несовершеннолетним, и закрепление их в отдельной норме (ст. 88 УК РФ).

Шестая тенденция указывает на непоследовательную гуманизацию уголовного закона.

С одной стороны, реализуя принцип гуманизма, ст. 66 УК РФ устанавливает относительно невысокие верхние пределы назначения наказания за приготовление или покушение на преступление – соответственно не более половины или трех четвертей максимального срока и размера наказания наиболее строгого вида наказания, кроме того, исключена возможность назначения смертной казни и пожизненного лишения свободы за неоконченное преступление (ч. 4 ст. 66 УК РФ). Однако, с другой стороны, ст. 24 УК РСФСР 1960 г. предусматривала максимальный предел лишения свободы не свыше 15 лет, а ст. 56 УК РФ допускает при назначении наказания по совокупности преступлений максимальный срок лишения свободы до 25 лет, по совокупности приговоров – до 30 лет. Кроме того, если одно из преступлений террористического характера или преступлений против мира и безопасности человечества указано в перечне, содержащемся в ч. 5 ст. 56 УК РФ, и входит в указанные виды совокупности, то максимальные сроки лишения свободы за него возрастают соответственно до 30 и 35 лет.

Седьмая тенденция характеризуется одновременно как ограничением, так и расширением судебного усмотрения при назначении наказания.

Ограничение судебного усмотрения идет через формализацию влияния на срок или размер наказания смягчающих и отягчающих обстоятельств (п.п. «и», «к» ч. 1 ст. 61, ст. 62, ч. 2 ст. 68 УК РФ), вердикта присяжных заседателей о снисхождении (ч. 1 ст. 65 УК РФ), совокупности преступлений (ч. 2 ст. 69 УК РФ) и совокупности приговоров (по ст. 70 УК РФ), а также через формализацию влияния на срок, размер и вид наказания досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 62 УК РФ) и неоконченного преступления (ст. 66 УК РФ). Избранный законодателем способ ограничения судебного усмотрения сужает пределы судебного произвола, т.к. минимизирует существенное отличие между наказанием, назначенным разным лицам при сходных обстоятельствах (прежде всего при сходной общественной опасности преступлений и виновных). Однако такой

путь приводит к практике унификации наказания вместо его индивидуализации в связи с тем, что смягчающие и отягчающие обстоятельства фактически не влияют на выбор судом вида и меры уголовного наказания. Кроме того, такой путь привел к абсолютно определенным санкциям, не позволяющим индивидуализировать наказание (например, при приготовлении к изнасилованию виновному при отсутствии иных обстоятельств может быть назначено в соответствии с ч. 2 ст. 66, ч. 1 ст. 131 УК РФ только одно наказание – три года лишения свободы); к назначению наказания ниже низшего предела при отсутствии оснований, указанных в ст. 64 УК РФ (например, при приготовлении к посягательству на жизнь государственного деятеля виновному не может быть назначено наказание свыше 10 лет лишения свободы при минимальной санкции в ст. 227 УК РФ в 12 лет); к коллизии уголовно-правовых норм о назначении наказания (например, ст. 66 и ст. 68 УК РФ при наличии в деянии виновного одновременно неоконченного преступления и рецидива преступлений). [3, с. 279]

На расширение судейского усмотрения обоснованно указывает ч. 6 ст. 15 УК РФ, в соответствии с которой суду предоставлено право изменить категорию преступления на менее тяжкую с учетом фактических обстоятельств преступления и степени его общественной опасности при наличии смягчающих и отсутствии отягчающих обстоятельств и назначении наказания, не превышающего установленные пределы за преступления средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие.

Восьмая тенденция представлена большим количеством уголовно-правовых норм, нетрадиционных для отечественного уголовного законодательства. Это нормы, которые по своей природе являются:

– стимулирующими, так как они побуждают граждан к правомерному поведению. В частности, УК РСФСР 1960 г. предусматривал два вида обстоятельств, исключающих преступность деяния: необходимую оборону (ст. 13 УК РСФСР) и крайнюю необходимость (ст. 14 УК РСФСР). УК РФ в главе 8 расширил круг этих обстоятельств, включив в него помимо указанных причинение вреда

при задержании лица, совершившего преступление, физическое или психическое принуждение, обоснованный риск, исполнение приказа или распоряжения;

– компромиссными, так как призваны побуждать лиц к позитивному постпреступному поведению и отказу государства от уголовного преследования за такое поведение или к смягчению виновному наказания. В качестве примера этих норм следует привести общую норму о деятельном раскаянии (ст. 75 УК РФ), а также нормы о деятельном раскаянии в виде примирения с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), в виде возмещения причиненного преступлением ущерба бюджетной системе России (ст. 76.1 УК РФ), в виде возмещения причиненного преступлением ущерба или иного заглаживания причиненного преступлением вреда (ст. 76.2 УК РФ), которые предусматривают освобождение виновного от уголовной ответственности. Кроме того, к компромиссным нормам относятся нормы в виде примечаний к отдельным статьям УК РФ о деятельном раскаянии, предусматривающие освобождение виновного от уголовной ответственности при совершении им некоторых видов преступлений (похищение человека – ст. 126 УК РФ, захват заложника – ст. 206 УК РФ, организация незаконного вооруженного формирования или участия в нем – ст. 208 УК РФ и др.), а также нормы, предусматривающие некоторые виды деятельного раскаяния в качестве обстоятельств, смягчающих наказание (п.п. «и», «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ).

К нетрадиционным для уголовного законодательства нормам относятся нормы, которые расширяют сферу частного интереса в уголовно-правовых отношениях. Такое расширение логически вытекает из первой тенденции развития уголовного законодательства, связанной с изменением приоритетов уголовно-правовой охраны, в частности с тем, что основным объектом уголовно-правовой охраны стали права и свободы человека и гражданина. Однако увлеченность законодателя расширением сферы частного интереса в уголовном праве приводит к снижению эффективности охранительной функции уголовного права. [4, с. 63-65] В частности, по-

ложение ч. 2 ст. 88 УК РФ о том, что штраф, назначенный несовершеннолетнему осужденному, по решению суда может взыскиваться с его родителей или иных законных представителей с их согласия, представляет собой не что иное, как проникновение в уголовное законодательство гражданско-правового института субсидиарной ответственности, яв-

ляющейся по своей сути восстановительной, компенсационной мерой.

В целом следует признать, что тенденции российской уголовно-правовой политики в законодательной сфере не в полной мере удовлетворяют потребностям общества в связи с наличием в ряде случаев неудачных законодательных решений.

Библиографический список

1. Баумштейн, А.Б. Концептуальные начала уголовного права России : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / А.Б. Баумштейн. – Курск, 2017.
2. Мальков, С.М. Проблемы профилактики коррупционной преступности в органах наркоконтроля / С.М. Мальков, Д.В. Токманцев. – Красноярск, 2016.
3. Прозументов, Л.М. Криминология (Общая часть) / Л.М. Прозументов, А.В. Шеслер. – Томск, 2017.
4. Уголовное право. Общая часть / под общ. ред. В.А. Уткина, А.В. Шеслера. – Томск, 2016.
5. Шеслер, А.В. Уголовно-правовая политика и ее реализация / А.В.Шеслер, С.М.Мальков. – Красноярск, 2002.
6. Шеслер, А.В. Криминологические и уголовно-правовые аспекты групповой преступности / А.В. Шеслер. – Тюмень, 2005.
7. Шеслер, А.В. Уголовно-правовая политика / А.В. Шеслер. – Новокузнецк, 2015.